

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН или

как и для кого снимает
свои фильмы режиссер
Дмитрий АСТРАХАН

раз. Возможно, их было больше. Все мечутся по заранее отведенным «орбитам»: писатель комплексует по любому поводу — начиная с творческой импотенции и заканчивая навязчивой, сто раз проговариваемой мыслью: «Никто не придет, никто не поможет»; жена-хабалка думает о шмотках, беспрестанно рыдает и в перерывах строит коварные планы, как и подобает классической экранной жене комплексующего интеллигента; торговый работник Вика весь фильм живет с широко открытыми глазами, навязчиво пытаясь убедить зрителя в своей неиспорченности.

Всерьез разбирать эту картину все равно что восьмой раз за час приниматься ковырять в носу — пусть это делают те, кто надеется извлечь на свет Божий что-то доселе неизвестное. Право, не хочется занимать внимание читателя подробным анализом пустейших диалогов, скверной игры актеров, слабой операторской работы, которой вообще не видно, — словно любительская камера фиксирует ленивое мотание актеров по экрану. Хочется отметить только один примечательный факт: «Желтый карлик» — первая картина Дмитрия Астрахана, в которой он перестал стесняться халтурить. Великий режиссерский почин. Спасибо за смелость. Начиная с «Перекрестка», Астрахан все больше и больше примеривался к той роли в кино, что влекла его все эти годы, — режиссера, который наконец-то поставит востребованный зрителем ширпотреб на конвейер. Конвейер не предполагает филигранной работы, а время и практика показали, что астрахановские творения аудитория готова принимать и в виде элементарной школьной табуретки. А почему — вот это интересно. Почему астрахановские мелодрамы «Все

будет хорошо» и «Ты у меня одна» до последнего времени побивали рекорды по частоте показа по телевидению, обгоняя даже таких «монстров» кинопоказа, как «Кавказская пленница» и «Бриллиантовая рука»?

Надо сказать, что картины Астрахана никогда не отличались ни оригинальным художественным языком, ни тонким психологизмом. Да и зачем все это режиссеру, снискавшему любовь народа слезоточивыми мелодрамами и телесериалом «Зал ожидания»? Начиная Астрахан, правда,

Труженик ширпотреба писатель Жаровский окончательно потерял нить сюжета, собственной жизни

Жена — Елена Проклова, Жаровский — Александр Абдулов, Вика — Анна Легчилова («Желтый карлик»)

серьезно. Первой его картиной была «Изыди!» — фильм о еврейских погромах начала века. Были «Из ада в ад» — тоже о национальных распрях, была «Четвертая планета» — не очень удачная фантазмагория а-ля Брэдли, был «Контракт со смертью» — о совре-

менных врачах-вредителях. Но все это как-то не отложилось в памяти народной, зато она охотно оставила в своих анналах астрахановские мелодрамы.

Думается, что в своем роде режиссер был первооткрывателем. Он первым из своего поколения понял, для кого и о чем нужно снимать картины. Еще восемь лет назад он сообразил, что чернуха и порнуха, разоблачения и обличения, выплеснувшиеся на экраны в перестроечный период и прочно обосновавшиеся там, на самом деле слишком мало интересуют тех, кто составляет подавляющее большинство населения России, — вчерашний советский народ. И не только тех, кто пострадал от вторгшейся демократии — пенсионеров, бюджетников, — но и тех, кто к тому моменту прочно утвердился на ниве зарабатывания денег.

Если Никита Михалков, снимая «Сибирского цирюльника», беспрестанно доказывал, что делает фильм о России, какой она должна быть, то Астрахан в своих мелодрамах показывал человека, каким он должен быть. Безденежный инженер из фильма «Ты у меня одна» в прекрасном исполнении Александра Збруева отказывается от заоканской жизни с влюбленной в него молодой красоткой ради любви к не очень молодой и такой же безденежной жене, да еще все это происходит под ностальгическую песню Юрия Визбора. Этого оказывается достаточно, чтобы утолить живущую во все времена в человеке жажду увидеть стабильность и стройность мира. Схематичность сюжета и ходульность характеров воспринимаются как простота, невинность и несурзанность чувств и поступков героев — как противоречивость и неоднозначность живых людей. Психологии и попыток анализа в картинах Астрахана — ноль, но стро-

ит он свои сюжеты так, что одним зрителем это невдомек, другие умышленно стараются этого не замечать, убавкивая себя вечной песенкой об утраченных нравственных ценностях. И «Желтого карлика», между прочим, смотреть будут: ничто так охотно не находит приют в мягкой российской душе, не утешенной тугим кошельком, как выставленная на всеобщее обозрение поруганная нравственная ценность. Режиссер родился в правильной стране. Он прилежно изучил и сделал невидимым эпиграфом почти к каждому своему фильму бессмертные строки: «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад!» Так уж, увы, устроен человек, и Дмитрий Астрахан знает это лучше многих других.

Практически сразу после фильма «Подари мне лунный свет», носившего оттенок скандальности из-за того, что режиссер и сценарист убрали свои имена из титров, те же самые Дмитрий Астрахан и Олег Данилов подарили нам совсем другой свет. Который если даже и светит, то уж точно не греет. Виз Москва - 2001 - «Желтый карлик» называется. 13.10.00 - 0.6.

Екатерина БАРАБАШ

Секундный экскурс в область астрономии: согласно ученой классификации Солнце относится именно к тем звездам, которые называют желтыми карликами, как это ни обидно слышать в адрес великого светила. А еще «Желтый карлик» — это название романа, который по молодости лет написал начинающий словоплет Владимир Жаровский (Александр Абдулов) и на котором его карьера как серьезного писателя закончилась. Отныне и навеки он пишет ширпотреб, за что имеет массу поклонников и приятные материальные излишества. Жену свою (Елена Проклова) не любит, зато нежно относится к сыну (хоть да еще работает торговщи (Анна Легчилова). Чтобы уберечь дитя от хищницы, по просьбе жены писатель влюбляет

в себя Вика-гастрономшу, влюбляется сам и даже собирается надоевшую жену бросать. Тут выясняется, что девица, хоть и любит писателя, но имеет свои виды: у нее, оказывается, восемь недель беременности, а любимый бросил, вот и ищет дурачка, с которым можно быстренько переспать, женить, а через семь месяцев вместе сокрушаться, что ребенок недоношенным родился. После тревог и раздумий троица писатель-жена-гастрономша решают осчастливить-таки влюбленного сынишку, сокрыв от него на веки вечные, что первенец не его. Такая вот великая жертва со стороны писателя.

И вот мечется по экрану стареющий работник пера, страдая от мысли, что на конкурсе чудиков на букву «м» занял бы второе место, потому что слишком уж он самый и есть. Кстати, на протяжении картины мне удалось насчитать со вкусом произнесенное это слово (разумеется, в первоизданном виде) девятнадцать